Соловей Блудимирович и Забава Путятисьня

А з-за моря, моря было Дунайского
Выбегало из-за носу да триццать караблей,
Ишше триццать караблей да без одного карабля.
Да один-от карабь да изукрашон хорошо:
Ишше нос-то, корма — да по-звериному,
Ишше хоботы-ти мецёт да по-змеиному,
Ишше вместо оцей врезано по камню да самоцветному,
Вместо бровей прибивано по соболю-ту черному.
‹О›не прибегали ко городу ко Киёву,
Становились они ко пристани корабельнии.
Выходил-то тут Соловей Блудимирович;
Он на князеве[ы]х слух да́рыл золотой грывной,
Он на князя-та Владимера — черныма соболями
И матушку-кнегину — да крупьцятой камкой.
Ишше князю-то подароцьки приглянулисе,
Ишше матушки подароцьки прилюбилисе.
Говорыт-то тут Соловей Блудимирович:
«Уж ты ой еси, батюшко Владимер да стольнё-киевской!
Мне позволь-ко во улицю во Колачникову
Прям того прям терема Запавина
Поставить-то мне-ка да высок терем!»
Соловей же матушки понравилса;
Говорит-то она князю Владимеру:
«Пушшай живёт Соловей Блудимирович
Да во тех полатах да белокамянных
Да и пьёт-то ведь, ест с нами с одного блюда!»
Говорит-то Владимер да стольнё-киевской:
«Уж ты ой еси, Соловей Блудимирович,
Ты живи-тко-се во наших полатах[1] белокамянных!»
Говорит-то тут Соловей Блудимирович
«Да у мня-то семья да несуря́длива!»
Он позволил ёму ставить во улици Колачников[ой]
Прям того же прям терема Запавина.
Одной ноци поставил да Соловей Блудимирович три терема —
Они по верьху-ту да ишше вместях свились.

Пробудиласе Запава-та Путятисьня,
Проходила она по терему высокому
Да смотрела в окошецьк[о] кошисьцято:
«Да що жа во улици Коласьниковой
Ишшо що жа за свецька горит,
Що за свецька горит, да за цветок цветёт?..»
Да сряжалась она в платьё-то цветноё,
Да брала-то она слуги свои верныя,
Да пошла она во улицу Коло[а]сьникову.
Заходила вона да по новым сеням,
По новым-то сеням да ко первым дверям,
Припадала она ко терему высокому:
Ишше в том же терему да ишше громко говорят.
Говорит-то Забава да доць Путятисьня:
«Ишше быть-то Соловьёвой-то семьи несуря́дливой!»
Проходила она да по новым сеням,
По новым-то сеням да ко вторым дверям,
Припадала она к терему высокому:
Ишше в том терему да шопотком говорят.
«Ишше быть-то ведь тут Соловьёвой матушки!»
Проходила она да по новым сеням,
По новым-то сеням да ко трет[ь]им дверям,
Ишше тут-то ведь уж да соловьи поют:
«Ишше быть-то тут Соловью Блудимировицю!»
Брала-то ёна да двери за скобу,
Розмахнула ёна да двери на пяту,
Да садилась на порог да она жопою.
Говорит-то тут Соловей Блудимирович:
«Да сказали, Забава-та хитра-мудра,
Нам сказали, Забава да оцунь хоробра;
А за́право Забавы да глупей не нашол!»
Говорит Забава да доць Путятисьня:
«Уж ты ой еси, Соловей Блудимирович!
Мне казалось, у тебя да всё по-небесному!»
Ишше брал-то он ей да за белы руки,
Он садил за столы-ти да за дубовыя.

(Зап. А. Д. Григорьевым 17 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — От По́труховой Анны Васильевны, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.